

Лобанов Александр Иванович,

Сержант.

Родился 09.08.1926г. под Казанью в д. Пановка Пестречинского района Татарской АССР. Был призван 3 октября 1943 г. Пестречинским РВК (в ДА с 1 декабря 1943 г.). С 1944г. по 1945 служил в лыжном штурмовом батальоне автоматчиков. Особо отличился будучи сержантом, командиром отделения отдельного лыжного батальона 224 Гатчинской Стрелковой Краснознаменной Дивизии. Был в составе 133 стрелкового полка (72-й Павловской стрелковой дивизии), совершившего невероятными усилиями глубокий обходный маневр в условиях бездорожья. Участвовал в боях на Ленинградском фронте с 25.02.1944г. Был дважды легко ранен: 15 марта и 3 декабря 1944. Войну закончил 9 мая 1945г. под Ригой. До демобилизации в 1951г. служил в автомобильных войсках Московского военного округа.

Имеет награды: Медаль «За боевые заслуги», Медаль «За Победу над Германией», Орден Отечественной войны I степени и 8-мь юбилейных медалей.

Из воспоминаний: «В нашем селе татарского края было аж две церкви: кирпичная и деревянная. Когда я был призван в октябре 1943 года на фронт, только два месяца прошло, как мне исполнилось 17 лет. Нас забрали 10 человек; посадили в телегу и на лошади повезли в Казань, что в 25 км. от нашего села. Когда стали призывников расформировывать на плацу, - я понял, что если скажу, что с 26 года и мне нет 18 лет, то меня отправят обратно домой, потому что в учебный корпус меня одного малолетку никто бы не повез, он был от нас за 600 км.

Когда меня призывали, к этому времени уже все мужчины села, призванные с начала войны - погибли, уже всем в селе пришли похоронки. Поэтому, когда нас провожали на фронт, то страшно вспомнить, как плакали и страдали не только наши родители, но и вся деревня. Рыдали как на похоронах: вой жуткий, слезы, причитания.... Представить себе возврат, и что меня через год еще раз после совершеннолетия опять будут провожать на фронт, и опять все повториться, и опять эта нестерпимая боль и нервоотрепка и, что мои родители ещё раз пройдут через это – я не мог себе вообразить, даже страшно было подумать об этом... Поэтому, когда выкрикнули: «25-ый год рождения - в колонну справа!», - что означало дорогу на фронт, я встал в эту колонну. Всем так было проще...

В деревне на проводах, один старичок, лет под 80-ть всё меня напутствовал, увещевал: «Саня, ты глупый, маленький (во мне и сейчас рост 160см.). Пристройся на фронте к тому, кто посolidнее, да постарше будет, такие поопытнее, и повторяй за ним все: что и как он делает, - то и ты делай. Держись в бою стариков.»

Я его совет всегда помнил. Перед боем давали по 100 грамм, вижу - старики перед боем не пьют, и я не пью, - оказалось так-то спасительней....

А вот в штурмовом батальоне, один прикинулся стариком, а ему лишь 28 лет оказалось, - все заросшие, грязные – поди ка, разбери. Идем на задание, снега в Финляндии по грудь. А кругом кукушки-снайперы сидят и бьют по нам. И он сорвался, не выдержал: вдруг снимает лыжи, и по снегу лезет, а ноги и метра до земли не достают. Думаю: «Что ж ты придуриваешься? - нет, такой в учителя не пойдет!». Был у меня потом опытный солдат, его дядей Костей звали.

Отправили нас из Казани в запасные пехотные полки, где формируют группы – маршевые роты. Обмундировали. Зима. Дают английские красные ботинки и тонкие зеленые английские шинели. Взял ботинки на 3 размера больше, других не было.

Из наградного листа от 28.01.1945г.

« [...]Сержант Лобанов Александр Иванович является активным участником Отечественной войны с 1943г. Мужественный, сражался с немецкими оккупантами. В боях два раза ранен. Ранен легко 15.03.44г. в районе Нарва. Действовал в составе 133 стрелкового полка при наступлении в должности стрелка. Легко ранен 3.12.44г. на станции Хийтоло на занятиях. Действовал в составе 22-го стрелкового полка, ранен при прохождении учебных занятий на станции Хийтоло в должности сержанта. За период нахождения в отдельном лыжном батальоне с 3.01.45г. проявил себя исключительно с положительной стороны. Все приказы и распоряжения выполняет своевременно. Хорошо усовершенствовал свое оружие, а также передает знание своим товарищам. Тактически грамотный.

Вывод. Товарищ Лобанов А.И. достоин правительственной награды – медали «За боевые заслуги»

Очень много призывников погибло от истощения не добравшись до фронта в запасных полках в Мордовских сборных пунктах. Мой брат Сергей 1924 года рождения учился в Орехово-Зуево в школе младших командиров. Их тренировали - заставляли таскать пацанов стволы деревьев растущих на болоте, но только по два человека на бревно. На завтрак хлеб с торфом - 30-40% земли. Утром 500 грамм этого хлеба, на обед хряпа - капустные верхние листья в кочане, не идущие в пищу. Умирали от такой хряпы: кочерыжки капусты с прогнившей хряпой крошат и варят из них щи. Умирали от мороженой капусты: капуста оставалась под снегом, они разбивали кочан и ели ледышки. Наелся льда и хлеба с торфом - воды никакой во время переходов. День- два и кто-то умирал. Настали экзамены, их выстроили. Дождь, осень, они голодные и согнутые. Генерал фронтовик приехал за младшим командным составом, а весь состав как синие цыплята. Запретил парад –показательный строевой марш. Всех немедленно распустил и отправил в казармы спать. Утром подъема нет – все насторожились. Нигде офицеров нет. Построились и сами пошли на завтрак. На столе стоят вместо хлеба с землей 5 блюд: 300 гр. хорошего хлеба, каши, запеканки, - наелись. А всех офицеров школы арестовали и отправили в штрафбат, кого то расстреляли. Новые командиры откармливали пацанов по 9-му питанию месяц, потом только отправили на фронт.

27 января 1944 была снята блокада Ленинграда, а на следующий день наш полк провезли через освобожденный город. Горела вся немецкая оборона, все дымилось.....Завезли под Нарву, за 15-20 км. Наш полк делал глубокий обходной маневр, держали на полях 1.5 месяца, - немец вокруг сжег все населенные пункты. Были случаи по 2-суток нет сухого пайка. Воды никакой. Вода из куверта. Раз черпаю, смотрю - кудри – немец. Слил воду, отошел метров 15 и зачерпнул в другом месте, да кювет тот-же, другого нет.

Чтобы люди не замерзали в ожидании указа о внезапном штурме, колонну гоняли с места на место.

<http://forum.patriotcenter.ru>

Ночью заводят в лес, команда: «Привал!». Ищешь поглубже снег, стелешь мерзлую хвою, на неё плащ палатку, и сам закрываешься хвоей. Через 40 минут снег сверху начинает таять, и идет мокрый дождь. И так каждую ночь. Там я крепко застудился, не держалась моча. Встаешь, - вся шинель мокрая, а я – пацан, и сказать никому не мог – так стеснялся, веревочкой перевязывался, - бывало еле размотаю, так все вздувалось... Увидели товарищи на марше, что я стал плохой, - дядя Костя отобрал винтовку, вещмешок.

В конце марша подошли к деревне, какими-то судьбами не сожженной немцами. Деревня в одну улицу длиной 4 км. Сначала вошло первое отделение 10-12 чел., потом мой взвод, я отстал. Когда подошел к первому дому, и увидел следующий за ним через 22 метра, то я понял, что если не мой взвод разместится в этом доме, то до следующего я не дойду. Вошел, а там мои! Все лежат на полу. Люди, пробывшие не один день в сугробах, не видевшие даже населенных пунктов, обрадовались возможности просто лечь на сухое место! Мы здесь 2-3 дня перед боем оттаивали. Тут д.Костя понял причину моего недомогания, расстроился страшно. Вскипятил огромный самовар и сказал весь выпить. Спросил: «Конфеты у тебя есть?». Был только табак, я не курил. д.Костя пошел, выменял на конфеты. Вот я и пил кипяток с конфетами до упору. Напился, и первый раз за многие дни лег в избе спать. На бок лечь нельзя- полный живот. Опять перевязался специальной для этого дела веревочкой, и провалился в сон. Проснулся от того, что всего расперло, все ссадит... Однако горячая вода помогла, все промыло, я пошел на поправку.

А после этого утром ставят на пост у крайнего дома. Ходил-ходил и думаю: «Завтра в бой, а как стреляю – не знаю, может разучился?». Нашел банку, в 30-ти метрах повесил на кол, присел, стрельнул, попал! Пришел. Начальник караула допрашивается: «Кто стрелял?», - признаюсь, что я. «А зачем?». Ну думал накажут,- говорю, как есть: «Да завтра в бой, а я не знаю, как стреляю». Ничего, обошлось, не наказали.

Перед последней ночью перед боем всех повели за 4 км на другой край деревни в баню. Белье сняли для сдачи в грузовик. Сделали нам дезинфекцию. Верхние вещи отдали на «поджарку», надо ждать 40 минут. Дают 2 литра воды – один котелок на всё мытьё. Ждем, и тут застрочили фашистские самолеты. Вода моя осталась в котелке. В темноте нащупал по своим узлам (особым приметам) свои вещи. Так и не помылся и Слава Богу, - холод. Побежали бегом в свое расположение. Кого-то подбило.

После налета старики говорят, - если в 4 утра конная кухня уйдет, чтобы нас обогнать, значит уйдем

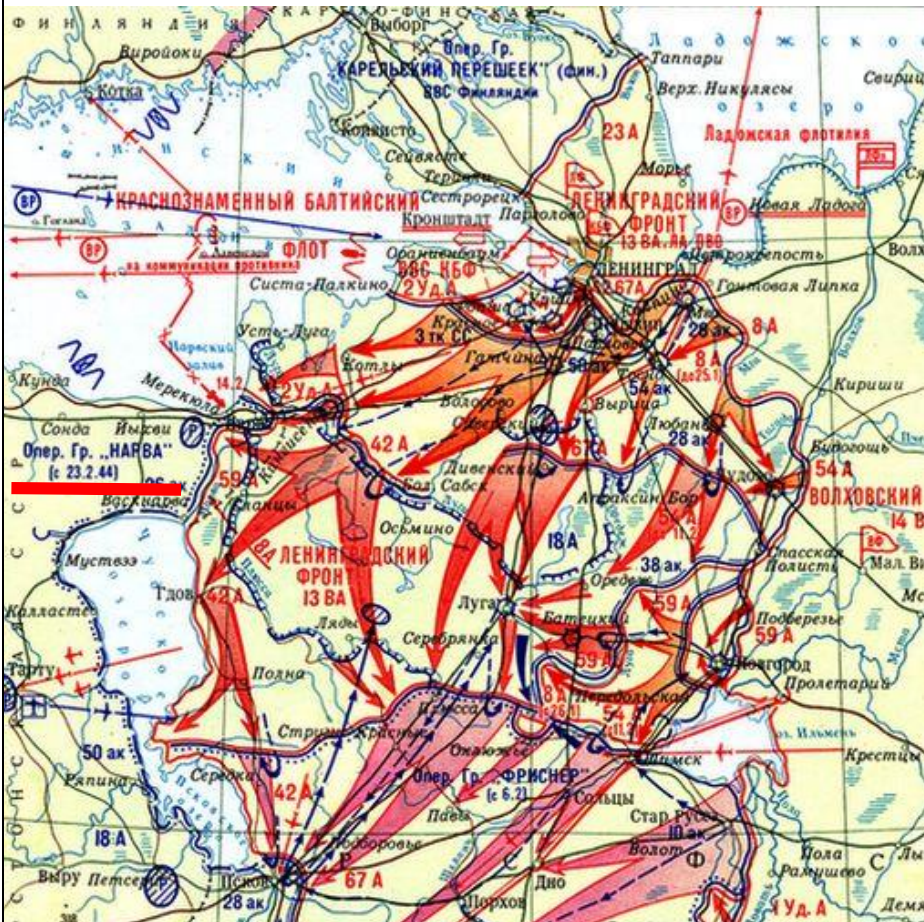
отсюда совсем, бой будет в другом месте.

Утром прошли всего 9-10км. Свернули в хвойный лес, стоят ели, узкая тропа. Не рассвело еще, темновато, снег лежит местами. Видим стоит кухня. И тут начали фашисты лупить по этой тропе. Опытные солдаты, знающие военную науку, говорят: «Где-то сидит наводчик, что так лупят, и пушка недалеко, может за 7-8 км». И вдруг бьет пушка. И первым погибает кухня.

Мы с марша сразу попадаем на исходную позицию, подтягиваются другие бойцы, нас готовят к атаке.

Окопы рыть нельзя - земли 30 см, а под ней уже вода – март месяц. Закопаться от осколков и пуль некуда. Лес от взрывов повален и мы ложимся за бревна, а бревно пуля пробивает как кашу вареную. И вот тут надо лавировать на земле: трассирующая пуля летит - её видно, а четыре простых – разрывных (так было у немцев) бьют, и видно как .

И вдруг миномётный огонь стих, и со стороны немцев идет мужчина. Высокого роста в телогрейке в брезентовых брюках и с немецким автоматом. Подходит к командиру взвода и говорит, - мы прижали немецкую разведку, а взять их некому, дай человек 6 солдат. А командир взвода отвечает, что без разрешения комроты дать солдат не может. Посмотрел вдруг на меня, я лежу: «Ты самый молодой, беги, ищи комроты и спроси разрешение». Я схватил винтовку и бегу вдоль цепи, а все лежат так, без окопов. И

Карта боевых действий на Северо-Западном направлении (14 января — 1 марта 1944 года). В т.ч. операция "Нарва" Ленинградского фронта с 23.02.1944г., в которой участвовал А.И.Лобанов.

снова обстрел. Я добежал до насыпного подъемчика, кругом развороченные пни. Вижу гранитный камень метр на метр лежит, а там за ним вход в блиндаж. Подгибаюсь, наклоняюсь, - блиндаж из бревен в 3 наката (три бревна в высоту), и он весь набит офицерами. Кричу: «Мне ст.лейтенанта такого-то». Отвечают: «Нету». Надо бежать дальше, а тут какой-то солдат, как закричит: «Сопляк, ложись!». Я за камень лег, и тут через секунду мина бьет по камню в полуметре над моей головой. Приглож, но меня не затронуло. Бегу обратно. Заблудился, взял левее, а надо было вправо, вижу лежит в белой шубе убитый военный, бегу дальше и тут понимаю, что стреляют прицельно по мне. Упал между кочек, а шинель то зеленая, видная, не наша серая. Стреляют. «Ну,- думаю,- попал, только утро, лежать до вечера». Бросить

гранату, - куда не знаю, и как далеко – а если не доброшу, вдруг в своих». Не

шевелиться. Чуть дернусь - бьют. Вижу справа метров в 7ми кусты ивы, - за ними бы проползти. Убьют так убьют. Вскочил и рывком за куст. Стреляют, - а я уже ползу за кустами, метрах в 30-ти уже мой взвод.

Смотрю никакого солдата в брезентовых штанах нет. Меня никто не спрашивает: «Как дела?» Командир сразу посылает довести раненого в бок помощника комвзвода до санитар. Я самый молодой, маленький, чувствую командир меня жалеет. Вижу лошади с санями, а снега нет, выпала поземка (лучшее время охоты на зайцев, след видно). Хочу туда раненого довести, всего то 15 м. И вдруг снаряд бьет по подводе, и от лошадей только шкурки летят. Повел его дальше. Довел до перевязочного пункта – палатка в соснах. Обрато иду, стрелять надо. Только вскинул винтовку, как пуля разбивает ладонь, которой я держал ствол винтовки. Пошёл обратно на перевязку. А там уже и сам командир взвода лежит. Погрузили нас человек 15 в машину. Надо 100-150м проехать, чтобы спрятаться за гору. Водитель разогнался, полторка наша выскочила из леса и сразу пушка стала нас обстреливать. Водитель опытный нас спас, пушечный огонь никого не задел.

Помню, когда меня раненого погрузили под потолок на третью полку в теплушку санитарного поезда,

я привязался, чтобы не свалиться. И так уснул наконец-то в тепле, просто мертвецки, что когда нас привезли в Ленинград и стали выгружать, то рассказали, как над нашим санитарным поездом немецкие самолеты издевались всю ночь. Машинист то разгонит поезд, то затормозит. А самолет все строчит.... Старикам рассказали, что многие погибли. Всюду по вагону были щепки от пробитых пулями досок крыши вагона. А я спал...»

Ладонь зажила, кость на одном пальце укоротилась. Прошло с 1944 года более 60 лет, а как обрезать ноготь – беда, нерв торчит. Когда первый раз снимали гипс, упал от шоковой боли. Сестра говорит: «Вот тебе вода, снимай сам».

В общем, всего не опишешь, это так, эпизоды.

На фронте противник убивает первыми командиров, потом у кого сильнее оружие - ручной пулемет. Пехотинец живет от минуты до 5-ти суток: или убит или ранен. Четвертая часть живой силы погибает не дойдя до фронта. У меня сосед был на фронте только 40 дней. До фронта-то еще добраться надо!!

Я всех прошу, и тебя тоже, - ты меня ветераном больше не называй. Зови фронтовик.... Я был на двух фронтах: с первых дней войны, с 14 лет работал сутками на угольных шахтах; в 17 лет ушел на войну, а в 18 уже воевал. И думаю, что всех фронтовиков обидели, когда смешали с тружениками тыла и всех назвали «ветеранами» войны. Тыловики тоже несли свой героический подвиг, их надо чествовать и помнить, они тоже проливали свою кровь ради Победы, знаю это не понаслышке, - по себе и своим товарищам знаю. Но все-равно это не тот фронт, - его как не описывай не опишешь. Это нельзя описать! Нельзя было так смешивать, поэтому не зовите нас так....»

Записано со слов Александра Ивановича летом 2015г.

В мирное время Александр Иванович работал водителем. В Ромашково проживал более 50 лет на Раздоровской улице, - женился на коренной жительнице села Анне Егоровне Букиной.

Был одним из оставшихся в живых четверых ветеранов-фронтовиков Ромашкова встретивших 70-летний юбилей со дня победы в Великой Отечественной Войне 9 мая 2015 года.

То, о чем Александр Иванович не рассказал во своем боевом пути: «Германские войска, почти 900 дней осаждавшие Ленинград, понесли тяжелое поражение и были отброшены к 27 января на 65–100 километров. Развивая наступление, советские войска продолжали громить противника.

Стремительное наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов не позволяло командованию немецкой группы армий «Север» привести в порядок свои отходившие части и организовать длительную оборону на промежуточных рубежах. Советские войска в результате смелых обходных маневров овладевали узлами вражеской обороны и быстро продвигались в западном и юго-западном направлениях. «Надо отдать должное русским в умении энергично преследовать», — писал 27 января 1944 года в своем приказе командующий немецкой группировкой войск, отступавшей к Кингисеппу.

Пример боевой неутомимости в преследовании противника показали многие части и соединения. Неожиданные и сильные удары с флангов и тыла наносили по врагу полки 131-й стрелковой дивизии. Быстро продвигаясь по лесам и болотам, они осуществляли смелые и дерзкие действия по окружению и уничтожению отступавших частей и подразделений противника.

Не менее энергично преследовали врага части 224-й Гатчинской стрелковой дивизии.

Глубокий обходный маневр в условиях бездорожья совершил 133-й стрелковый полк 72-й Павловской стрелковой дивизии. Более 20 километров бойцы несли на себе материальную часть. К назначенному сроку часть вышла в тыл противника, овладела поселком Вырица и отрезала врагу пути отхода. Командир дивизии генерал-майор И. И. Ястребов в специальном приказе объявил благодарность личному составу полка. «Всем командирам частей и подразделений, — говорилось в приказе, — ставлю в пример командира 133-го стрелкового полка подполковника Родного и подчиненных ему командиров подразделений. Ставлю в пример выносливость и высокую моральную выдержку всего личного состава этого полка, обеспечившего выполнение приказа» - источник И.Б. Мошанский. «У стен Ленинграда».

«Места боев южнее города Нарва позднее, в Советские времена, были затоплены Нарвским водохранилищем, известные братские могилы с затопленных участков частично были «перенесены» в Кингисепп, Сланцы и Синимязь, но ни списков похороненных, ни полных списков перенесенных могил до сих пор в свободном доступе нет. Тысячи «пропавших без вести», о которых родные до сих пор не знают даже места, где они «пропали». Более того, потери под Нарвой из каких-то соображений Управлением кадров ВС СССР тщательно скрывались, вплоть до распределения списков погибших солдат по другим частям Ленинградского фронта, воевавших, к примеру, под Выборгом.» - источник Игорь Панченко «Об истории одной песни и трактовке упоминаемых в ней событий давних лет».